

ХОЛОКОСТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ (материалы к занятиям)

Тема 1. Работа с документами и материалами.

Задание №1.

1. Прочитайте отрывок из повести А. Рыбакова «Тяжёлый песок». Составьте план ответа на вопрос: «Каковы конкретные проявления геноцида евреев?».

Из повести А. Рыбакова «Тяжелый песок» (1975 – 1977 гг.)

...Во время войны мы знали и видели, что гитлеровцы делали с советскими людьми; это были не бесчинства отдельных солдат, это была широко задуманная и неуклонно проводимая программа истребления целых народов.

«Человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычной жестокости» – это из приказа фельдмаршала Кейтеля.

...У вас есть стенограммы Нюрнбергского процесса? Есть... Посмотрите третий том, страницы 337 и 338... Там приводится такое высказывание Гитлера:

«...в недалеком будущем мы оккупируем территории с весьма высоким процентом славянского населения, от которого нам не удастся так скоро отделаться... Мы обязаны истреблять население, это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения... я имею в виду уничтожение целых расовых единиц... Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы... Одна из основных задач... во все времена будет заключаться в предотвращении развития славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают им не только побеждать своих врагов, но и уничтожать их».

Вот вам генеральная программа Гитлера – уничтожение народов, и прежде всего славян. Ну, а что говорить о евреях? Истребление евреев было как бы лабораторией, где гитлеровцы набивали руку, накапливали опыт для массового истребления других народов.

...Конечно, безоружные люди, тем более старики, женщины, дети, беззащитны перед вооруженными солдатами.

И когда говорят: как это, мол, шесть миллионов дали себя убить, как бараны, – то это говорят либо подлецы, либо круглые дураки, или люди, никогда не стоявшие под вражескими пулями, перед дулом вражеского пистолета, никогда не слышавшие пулеметной очереди. Сколько наших военнопленных погибло в концлагерях, молодых здоровых парней! Что, спрашивается, они могли сделать? Кидаться на колючую проволоку? Лезть под пулеметный огонь? Удобно, знаете ли, рассуждать о героизме, когда ты в холод и вьюгу не лежишь на голом снегу; кругом проволока, через которую пропущен электрический ток, на вышках часовые с пулеметами, по трое, а то и по четверо суток не дают ни пить, ни есть, а если и кинут, то мерзлую картошку или тухлую рыбу. Впрочем, бежали из лагерей, кидались на охрану, лезли на пулеметы – все было. Но тех, кто не смог убежать, не кидался на проволоку, не лез безоружный под пулеметный огонь, тех тоже осуждать нельзя. Человек преодолевает инстинкт сохранения жизни, если есть хотя бы капля надежды, а если ее нет, такой акт равен самоубийству. А кончать самоубийством... Впрочем, кончали и самоубийством, каждый умирал по-своему.

...Немцы не просто уничтожали евреев, они хотели уничтожить их не как людей, а как животных: легче, проще – скот! Но для того чтобы превратить людей в скот, надо истребить в них все человеческое, убить все присущее человеческому существу, и прежде всего достоинство.

...Им надели повязки с шестиконечной звездой, заперли в гетто, запретили выходить, только на работу – колоннами, в сопровождении солдат и овчарок, запретили болеть заразными болезнями – больных немедленно уничтожали, запретили рожать – новорожденных умерщвляли, об этом я уже говорил, запретили вносить в гетто продукты и дрова, запретили есть и пить что-либо, кроме хлеба, картофеля и воды, отключили электричество, запретили приносить с поля цветы, обучать детей грамоте, мыться в бане, женщинам употреблять косметику – десятки запретов, за нарушение каждого – расстрел. Мебель в домах переписали, и за пропажу хотя бы табуретки тоже расстрел. Приказали сдать все изделия из золота, серебра, украшения, кольца, брошки, деньги. Сдали, но не все и не все: когда тебя грабят, ты пытаешься что-то спасти. И вот повальный обыск, всем приказано стоять на коленях лицом к стене, и тех, у кого нашли несданные деньги или ценности, расстреляли на месте.

...Протокол «Ванзее»... Вы знаете, что это такое? Не помните... Так вот, в этой папке у меня собраны кое-какие выписки из разных документов, они опубликованы, наиболее интересные я здесь собрал. В каком смысле интересные? В том, до какой мерзости могут опуститься люди. К ним относится и протокол «Ванзее».

По этому протоколу «лица смешанного происхождения» разделялись на две категории: первой степени – полукровки, евреи на пятьдесят процентов, и второй степени – евреи на двадцать пять процентов. Первые приравнивались к евреям и подлежали уничтожению, вторые приравнивались к немцам и уничтожению не подлежали, за исключением следующих случаев (цитирую дословно):

а) «неблагоприятная с расовой точки зрения внешность, которая делает его похожим на еврея,

б) плохая полицейская характеристика, по которой видно, что это лицо чувствует себя евреем и ведет себя как таковой».

В протоколе много пунктов, чтобы, упаси бог, кто-нибудь не ушел бы от расстрела...

...И когда сопротивление было сломлено, патроны у бойцов кончились, и сами бойцы были убиты, и звуки выстрелов перестали заглушаться криками и стоном раненых, тогда каратели ворвались в дома и добились оставшихся там стариков, больных и калек; собаки обнюхивали дворы, эсэсовцы пристреливали спрятавшихся детей.

За несколько часов все было кончено, гетто уничтожено, почти две тысячи человек нашли свою могилу в лесу, в яме, на поляне. Но они не сами пошли в лес, не сами легли в яму! Их трупы грузили на машины, везли в лес и там уже сваливали в яму; обитателей гетто пришлось уничтожить в их собственных домах, гетто оказало сопротивление, взяло выкуп за свою жизнь и было стерто с лица земли; гитлеровцы о нем никогда не упоминали: это был их позор, их поражение, – оно не вошло даже в список пятидесяти пяти известных нам гетто. Но оно существовало, оно боролось и погибло с честью.

Задание №2

Много десятилетий существует точка зрения о том, что Холокоста как явления в истории Второй мировой войны вообще не существовало. Эта точка зрения тесно связана с исторической политикой – использованием событий прошлого для решения современных международных и внутренних проблем. Опираясь на известные вам факты и отрывок из произведения А. Рыбакова, приведённый выше, дайте аргументированную критику следующих высказываний авторов, отрицающих Холокост или извращающих суть этого явления. Предположите, какие политические интересы преследует каждое из приведённых высказываний. Почему среди отрицателей Холокоста оказались еврейские авторы? В случае затруднений обратитесь к дополнительной литературе.

«Для евреев страшные сказки о холокосте должны стать обручем, скрепляющим нацию» (Дмитрий Кукушкин. «Кому и зачем нужна ложь о холокосте?»).

«Цель мифа о холокосте – представить дело таким образом, будто именно еврейский народ пострадал больше других и поэтому остальные народы обязаны испытывать чувство вины, каяться и возмещать те материальные убытки, которые понесли в войне евреи» (Олег Платонов. «Холокост: правда и обман»).

«Холокост оплатили сионисты, чтобы создать «империю Израиль» (греческий митрополит Серафим).

«По отношению к холокосту в мире существует четыре категории людей: те, кто о нем ничего не слышал, те, кто в него не верит, те, кто считает, что его масштабы преувеличены, и евреи» (Арабский журналист Фахри Абу Хасан. «Как долго просуществует Израиль?»).

«Выражение «холокост», означающее буквально «жертва всеожжения», справедливо в отношении немецких и японских крупных городов, где гражданское население систематически гибло в пламени фосфорных и атомных бомб, сбрасываемых на него английскими и американским летчиками» (Юрген Граф. «Великая Ложь XX века: Книга о холокосте, которого не было»).

«Эти ссылки на холокост представляют собой не что иное, как официальное пропагандистское вдалбливание, непрерывное повторение определённых ключевых слов и создание ложного взгляда на мир. Фактически всё это направлено не на то, чтобы понять прошлое, а на то, чтобы манипулировать настоящим» (Израильский публицист Боас Эврон).

«Холокост – это светская разновидность идеи избранного народа» (Религиозный еврейский деятель Исмар Шорш).

Тема 2. Осмысление темы Холокоста в литературе

Тема Холокоста ярко присутствует в драматургии, поэзии, художественной прозе. Среди авторов произведений о Холокосте надо назвать погибшего в Освенциме переводчика, поэта, драматурга И. Каценельсона, автора «Песни об убиенном еврейском народе». По мотивам этого произведения был написан инструментальный «Реквием о Катастрофе».

ТЕМА МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ЕВРЕЕВ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

1. «Чёрная книга» (1944-1946)

«Чёрная книга» – результат попытки Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) и членов американских еврейских общин задокументировать антисемитские преступления Холокоста и участие евреев в борьбе и движении Сопrotивления против нацистов во время Второй мировой войны.

В конце 1943 года Василий Гроссман совместно с Ильей Эренбургом начал работу над «Черной книгой» об уничтожении фашистами евреев в годы Второй мировой войны. Как сообщил Гроссман в качестве председателя комиссии по созданию «Черной книги» на заседании Еврейского Антифашистского Комитета 25 апреля 1946 года, «задачи комиссии были очень разнообразны: организация материалов (авторы были разбросаны в разных местах), потом розыски людей, связь с ними, получение от них материалов <...> затем литературная обработка этих материалов, редактирование. Приходилось заниматься подбором иллюстраций <...> Откладывать создание «Черной книги» нельзя было, потому что немногие уцелевшие люди, после перенесенных мук, в большинстве своем очень хрупки и недолговечны. Зачастую их дни уже сочтены, кроме того, многие из них разъезжаются в разные стороны. Мы встретились с тем, что событие, которого по масштабам и жестокости еще не знало человечество, испарялось «яко дым» в памяти людей, потому что никаких явных следов не осталось. Вторая задача, которую мы ставили перед собой, – это сбор материалов, которые послужили бы обвинением против немецких

фашистов в том, что они совершили. Вот почему я взялся за эту тяжелую и, я бы сказал, мучительную работу <...> Книга повествует о гибели примерно 5 миллионов человек».

Видные советские авторы и журналисты Илья Эренбург и Василий Гроссман были военными репортерами Красной Армии. Документальные сообщения Гроссмана из лагерей смерти Трешлинка и Майданек – одни из первых свидетельств (1943) Холокоста. Его статья «Трешлинский ад» (1944) была представлена во время Нюрнбергского процесса как документ для судебного преследования. В 1944–1945 гг. Эренбург и Гроссман составили два тома «Убийство народа» на идише и вверили рукопись ЕАК. Рукопись варианта лета 1945 года была передана представителю советского обвинения на Нюрнбергском процессе и сохранилась в архивах ЧГК. В начале 1946 года рукопись, дополненная и отредактированная в соответствии с пожеланиями рецензентов и постановлениями комиссии, была послана в 10 стран мира (США, Израиль (тогда британская Палестина), Австралия, Англия, Болгария, Италия, Мексика, Франция и Румыния). В Румынии в том же году были изданы выдержки из неё. После разгона ЕАК все подготовительные материалы к «Черной книге», занявшие 27 томов, были сохранены в архиве МГБ, затем переданы на секретное хранение в ЦГАОР (совр. Государственный архив Российской Федерации) и стали открытыми для исследования только в 1989 году.

В 1970 году, разбирая архив отца, Ирина Эренбург обнаружила папки «Черной книги» и, зная, что ими интересовался КГБ, отдала его на хранение разным людям, а затем в начале 1980-х годов переправила в Иерусалим. Эта рукописная «Чёрная книга» хранится в Национальном мемориале катастрофы и героизма (Яд ва-Шем) в Израиле.

Книга была частично напечатана в Советском Союзе в издательстве «Дер Эмес» (закрыто в 1948 г.), однако весь набор, так же как и рукопись, были уничтожены. Впервые на русском языке «Черная книга» вышла в Иерусалиме в 1980, а затем в Киеве в 1991 году.

2. А. Вознесенский. Поэма «Ров»

Люди торопятся жить, потому что время, отпущенное человеку судьбой, промелькнет в одно мгновение. Век, в котором мы живем, сложный, противоречивый... Удастся ли вернуть веру в потерянные идеалы, остановить нравственную деградацию общества? Трудно однозначно ответить на эти вопросы. Бесспорно одно. Роль литературы в этом процессе огромна: она формирует наши взгляды и оценки, способствует нашему прозрению, побуждает к действию.

Андрей Вознесенский родился 12 мая 1933 года в Москве. Тяга к поэзии у А. Вознесенского появилась еще в юности. Огромное влияние на его судьбу оказал Б. Пастернак, когда-то написавший молодому, четырнадцатилетнему поэту, приславшему ему свои первые стихи: «Ваше вступление в литературу – стремительное, бурное. Я рад, что до него дожил». Действительно, несмотря на то, что Вознесенский окончил Московский архитектурный институт и получил специальность архитектора, его жизнь уже полностью принадлежала литературному творчеству. В 1958 году его стихи появляются в периодике, а начиная с поэмы «Мастера» (1959), поэзия Вознесенского стремительно ворвалась в поэтическое пространство современности, получив признание миллионов читателей.

...Всегда остросовременная, новаторская, во многом экспериментальная поэзия Вознесенского воплощает в себе синтез лирики и философского концентрата, музыкальности и бьющей в набат тревоги. Необычный ритм стиха, дерзкие метафоры, «тематические» порывы ломали устоявшиеся каноны «благополучной» советской поэзии. Его жизнь, как и подобает жизни настоящего поэта, полна взлетов и падений, признания и замалчивания. В свое время он подвергся резкой критике Н.С. Хрущева, был под угрозой высылки из страны, после чего на протяжении ряда лет тексты Вознесенского изымались из печати. Неизменным остается лишь восторженное почитание поклонников – от «шестидесятников» до современной молодежи.

А. Вознесенский – автор статей и эссе по вопросам литературы искусства. Лауреат Государственной премии СССР, дважды удостоивался американских премий. На парижском фестивале «Триумф» газета «Нувель Обсерватер» назвала А. Вознесенского «самым великим поэтом современности».

... 1941 год. Декабрь. 10-й километр Феодосийского шоссе. Расстреляно 12 тысяч мирных жителей, главным образом еврейской национальности. Симферопольская акция – одна из запланированных и проведенных рейхом.

События, о которых рассказывается в поэме «Ров», еще до ее первого появления привлекли внимание журналистов. Однако они не могли опубликовать ни одной строчки на страницах газет и журналов. Только сам А. Вознесенский добился издания поэмы. Добился, когда еще не закончился судебный процесс в Симферополе. Да, «поэт в России больше, чем поэт». Истина бесспорная... А когда он идет еще и впереди публицистов... Это весомо.

Название поэмы очень символично. Ров – пропасть, на краю которой находится человек. Поэма носит также подзаголовок «Духовный процесс». «Духовный процесс» – нравственная деградация общества, ведущая к гибели. Речь идёт о гробокопателях, которыми руководит исключительно «алчь». Не голод и нужда вели к этому преступлению, не из-за куска хлеба разрывали могилы «благодарные внучата». Вопросы преступить – не преступить у них не было. В народе разорение кладбищ не просто преступление, а грех перед людьми, своей совестью, убитыми, перед еще не родившимися детьми. Жестокость руководит людьми. Алчь.

В поэме А. Вознесенский сочетает поэзию и прозу. Этот факт поражает. Но поэзия углубляет образ, создает эмоциональный накал. Поэзия и проза дополняют друг друга.

На месте симферопольского рва крымские каменщики белыми камнями и плитами выложили 1,5 святых километра с пятиметровым камнем, уходящим вверх, – стелой. У главного инженера этого строительного управления здесь остались лежать тетя, бабушка, двоюродная сестра. Отец погиб под Севастополем. С голоду умерла младшая сестренка.

У А. Вознесенского в поэме остался живым мальчик. Это художественный вымысел. В жизни было совсем другое. В живых осталась женщина, мать четверых детей, ее фамилия Гурджа. Она вспоминает, что привезли ее ко рву вместе с другими детьми и ее матерью в одной машине. Она тогда оказалась крайней у рва, когда немцы приготовились стрелять. Она успела шепнуть своей матери: «Мама, я, наверное, останусь жива. «Доченька, страшно-то как», – последние слова, которые сказала ей в ответ мать. Потом раздались выстрелы. Землей тела не засыпали. Декабрь. Мороз. Трупы не разлагались. Трое суток пролежала она во рву под трупами в одной рубашке, как в ледяном панцире. В ближайшем селе в дом не пустили, боялись расстрела. Как выжила – трудно сказать. Но улыбаться разучилась навсегда.

О многом заставляет задуматься А. Вознесенский. На писательском столе письма, сотни читательских писем. Вот некоторые из них.

«Ваш «Ров» меня потряс, изранил душу и наполнил возмездием. Да будет литература русская Возмездием всякой сволочи! Представляю, чего вам стоила эта поэма» (бывший фронтовик).

«Как жутко то, о чем вы пишете, как страшно, когда люди перестают быть людьми и только «умеют жить» (Кемерово).

«Когда читал поэму, плакал» (бывший фронтовик).

«Мои родители погибли от рук фашистов в Феодосии в декабре 1941 года. Может быть, лежат в этом рве... Кошунство гробокопателей сродни жестокости палачей» (Донецк).

Юридический процесс по делу гробокопателей завершен. Но кара оскорбленных теней 12 тысяч жизней, расстрелянных геноцидом и вторично убитых гробокопателями, на этом не кончается. Эта кара будет витать над их судьбами. Совершенное ими – не просто преступление, а то, что в народе издавна называют глубоким словом «грех». Грех

перед памятью невинно убиенных, грех перед смыслом краткой человеческой жизни, грех перед совестью и любовью.

Молитва

Не пойму, что к чему, и не знаю,
Что с тобою случилось, страна.
Толь судьба тебе выпала злая
Быть несчастной во все времена?

Толи слезы текут от бессилья
Перед этой всеисильной судьбой...
Что с тобою случилось, Россия,
Что случилось, Россия, с тобой?!

Не пойму я, в чем ты виновата
Перед небом и перед людьми,
Ни святого, ни свата, ни брата,
Ни добра, ни стыда, ни любви.

Невеселые, мрачные лица...
Ты ли это, Великая Русь!
Научи меня Богу молиться,
За тебя я не раз помолюсь.

3. В. Гроссман. Убийство евреев в Бердичеве

В «Черной книге» содержится написанный кровью сердца материал Василия Гроссмана «Убийство евреев в Бердичеве». В Бердичеве 15 сентября 1941 года вместе с тысячами евреев была расстреляна мать Василия Гроссмана – Екатерина Савельевна.

Нежная, светлая любовь связывала Василия Гроссмана с матерью, но они многие годы жили отдельно, мучительно переживая разлуку.

Из письма Екатерины Савельевны отцу Василия Гроссмана Семену Осиповичу, с которым она разошлась, когда будущий писатель был еще ребенком: «Не отдаю себе ясного отчета, что мной руководит в том, что не бросаюсь с радостью в Москву жить с Васей вместе <...> Там, если я увижу, что я ему почему-либо в тягость, стесняю его, то это для меня – нож гильотины <...> Тут у меня есть работа, я чувствую, что я человек <...> А я сама физически беспомощна, хотя голова хорошо работает <...> Я тут живу по-прежнему; если б не уроки, погибла бы с тоски; люблю учеников своих, люблю работу. Имею книги, газеты. А entourage мой! Боже мой – берет меня иногда смех сквозь слезы, но я держусь...» (11.04.1934).

Из письма Василия Гроссмана отцу: «Ты спрашиваешь о маме. Мама чувствует себя хорошо (сравнительно, конечно), нога почти не бунтует, почка не дюже важно; душевное состояние у нее скверное – очень уж одиноко и тоскливо жить в Бердичеве; я тайком удивлялся ее мужеству – в такой неприглядной обстановке сохранить бодрость, живую душу, регулярно заниматься с учениками, массу читать, не опускаться и крепко держать себя в руках – это очень и очень много. И так жить могут люди с большой внутренней жизнью и большой силой души...» (22.01.1928).

После развода Василия Гроссмана с первой женой у Екатерины Савельевны в Бердичеве подолгу жила внучка Катя. Это скрашивало Екатерине Савельевне одиночество, но, несомненно, доставляло много хлопот и трудностей. Из писем Василия Гроссмана отцу: «Я знаю, что маме тяжело с Катюшей. Но знаю также, что она очень заполняет маме жизнь...» (19.02.1934). «Пишу тебе из Бердичева <...> Катюша вытянулась, стала длинной, взрослой, говорит обо всем, меня признала, виснет на мне, “это мой папа”,

– объясняет она всем...» (16.05.1934). «Получил только что большое письмо от мамы и Катюшины рисунки – папа (я) в громадных очках и второй – зеленый огурец в натуральную величину...» (16.12.1934).

По случаю его дня рождения Екатерина Савельевна пишет сыну: «Дорогой сыночек, вот тебе и 35 годков стукнуло. А все живо в памяти: от дня твоего рождения 1905 г. и до сих пор как будто день прошел. Что нам повторяться – жизнь как на ладони; а как много пережито, не только прожито. Будь здоров anima mia, талантлив, доволен своей работой (и чтоб и читатели были довольны ею, и критики); со всеми твоими близкими тебе будь благополучен <...> Отправила тебе посылочку и письмо написала. А в посылочке была 1) серебряная чайная ложечка, что от тети Даси я получила; попадетсЯ тебе, как будешь чай пить, – вспомнишь меня; пусть не пропадет – жалко будет, 2) подстаканник, не серебряный, не бойся, я не тратилась много, но хорошенький, по-моему. И на письменный стол – тигренка <...> вот и все, дытына. И всю мою любовь тебе посылаю. А засим целую тебя в глаза, лоб, волосы и в мордочку. Мама» (12.12.1940).

Наступило роковое 22 июня 1941 года. Из последних писем Екатерины Савельевны (письма, посланные матери Василием Гроссманом, погибли в Бердичеве вместе с нею): «...то, чего я так боялась, случилось. Опять повторение прошлого. Вспоминаю, как наша квартира в Киеве сгорела от снарядов <...> на нас каждый день тут налеты – пока на аэродром; пока их прогоняют. Но если вздумают бросать зажигат[ельные] бомбы на мирных жителей и начнутся пожары и обвалы. Я считаю, что Бердичев особенно ненавидит эта сволочь за еврейское население. Ну, что будет уже, то будет. Я себя не чувствую одинокой или покинутой: с соседками живу дружно; у двух мужья призваны, а у 3^{ей} муж работает много; с ней я очень хороша, живем дверь против двери в этой же квартире, знакомые ко мне заходят, Белла Ш. заботится обо мне. Понятно, от бомбы меня никто не уберезет, как и я их...» (25.06.1941).

«Васенька, дорогой сыночек, вчера писала тебе; сегодня получила деньги от тебя. Спасибо дорогой. Ночь прошла благополучно. Утром была тревога, но после был отбой. Пока спокойно. А дальше – никто ведь не знает. Целую тебя, дорогой мой, ненаглядный. Привет всем сердечный. Мама» (26.06.1941). «Очень беспокоюсь: в Москве ли ты, не уехал ли куда. Я пишу часто, получаешь ли? И папе написала письмо. Живу теперья спокойнее, чем в первые дни, – привыкаешь, на ночь раздеваюсь уже. Встаю в 6 ч. утра; [в] 7 час. слушаю утреннюю сводку по радио; и весь день-то то радио, то газеты. Живу на вулкане, как все, хозяйничаю, как все. Первые дни очень драли на базаре торговли-крестьянки. Белла Ш. и другие знакомые ко мне внимательны; с соседками хороша – значит, не одинока совсем. Целую тебя. Привет Люсе, папе, всем. Только что получила твою отк[рытку] с 23-м» (29.06.1941).

«Дорогой сыночек, получила сегодня твою телегр[амму], придет кто-нибудь, буду тебе телеграфировать, хотя пишу ежедневно почти. Писала тебе вчера со слов Тины Владимир[овны], что Катя в лагере пока, а дальше не знаю как. Живу как все, мой дорогой: дышу последними сводками, читаю газеты, иногда сильно волнуюсь. Целую тебя сыночек. Мама» (1.07.1941).

Это последнее письмо, дошедшее до Василия Гроссмана от матери. В «Убийстве евреев в Бердичеве» он пишет: «В Бердичеве до войны жило 30 тысяч евреев при общем количестве жителей около 60 тысяч <...> Бердичев почему-то считался самым еврейским городом на Украине <...> до революции антисемиты и черносотенцы называли Бердичев “еврейской столицей”. Немецкие фашисты, изучавшие перед массовым убийством евреев вопрос о расселении евреев на Украине, всегда специально отмечали Бердичев. Немцы вошли в город в понедельник 7 июля в 7 часов вечера. Солдаты кричали с машин: “Иуд капут!”, махали руками и смеялись, они знали, что в городе осталось почти все еврейское население <...> 26 августа немецкие власти начали подготовку общей акции. По городу были расклеены объявления, предлагавшие всем евреям переселиться в гетто, организуемое в районе Яток – городского базара <...> Ятки – это самый бедный район

города вдоль немощеных с вечными, непросыхающими лужами улиц <...> Людей поселяли 5 – 6 семей в комнату <...> Людям запрещалось, под страхом сурового наказания, выходить за пределы гетто <...> В ночь с 14 на 15 сентября весь район гетто был оцеплен войсками. В четыре часа утра, по сигналу, эсэсовцы и полицейские начали врывать в квартиры <...> По тому, как вели себя эсэсовцы, люди поняли, что наступил последний день жизни. Страшные вопли женщин, плач детей разбудили весь город, на самых отдаленных окраинах люди просыпались, со страхом вслушиваясь в стоны тысяч голосов, слившихся в один потрясающий душу звук <...> Одновременно с пешими колоннами по Бродской улице двигались грузовики: в них везли немощных стариков, малых детей, всех, кто не мог пройти пешком четыре километра, отделявших Ятки от места казни <...> голова колонны подошла к аэродрому. Полупьяные эсэсовцы подвели первую партию в сорок человек к краю ямы. Раздались первые автоматные очереди <...> Место казни было устроено в 50 – 60 метрах от дороги, по которой колонна шла мимо плахи, тысячи глаз видели, как падают убитые старики и дети; затем людей гнали к аэродромным ангарам, там ожидали они своей очереди и снова, уже для принятия смерти, шли к месту казни <...> В этот день 15 сентября 1941 года, на поле бердичевского аэродрома, на дороге, ведущей от Бродской улицы к деревне Романовке, были убиты двенадцать тысяч человек...»

В числе этих двенадцати тысяч была убита мать писателя Екатерина Савельевна Гроссман.

До 1944 года Василий Гроссман ничего не знал о судьбе матери, искал ее. Из его писем жене Ольге Михайловне Губер и отцу Семену Осиповичу Гроссману: «Думаю о маме – еще не верю в ее гибель и не могу ее еще объять душой. Эта боль по-настоящему придет позже...» (11.01.1942). «Волнует меня все время мысль о судьбе мамы – где она, что? Если узнаешь, напиши мне немедленно – пробовал ли ты наводить о ней справки через переселенческое управление?...» (8.08.1941). «Я здоров, чувствую себя хорошо, настроен тоже хорошо, только беспокоюсь дни и ночи о маме и Катюше...» (9.09.1941). «Очень рад, что Катюша нашлась, но вдвойне стало мне печально за маму...» (1.10.1941). «Получил тут открытку из переселенч[еского] управ[ления], что мама в списках эвакуированных не числится. Я и сам знал, что не удалось ей выехать, но сердце сжалось, когда прочел эти строки печатные» (15.05.1942). Вот эти «строки печатные»: «На Ваш запрос Центральное Справочное Бюро сообщает, что сведения о местонахождении гр. Гроссман Е.С. еще не получены. Ваш запрос принят нами на контроль, и по получении сведений адрес разыскиваемых Вами лиц сообщим дополнительно. В случае изменения Вашего адреса просим нас уведомить. При переписке с нами обязательно ссылайтесь на наше письмо № Г-017597. 7.04.1942».

Еще письмо: «Москва, редакция газеты “Красная звезда”, специальному корреспонденту т. Гроссману В.

Многоуважаемый тов. Гроссман! На протяжении долгого времени я добиваюсь выяснить местонахождение Вашей матери, моей дорогой учительницы, Екатерины Савельевны, и пока безрезультатно. Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой сообщить мне, если Вам известно, местопребывание Екатерины Савельевны, за что заранее приношу свою благодарность. Умоляю просьбу не оставить без ответа. Валентина Шведская. 17.10.1941».

О чувствах Василия Гроссмана нельзя сказать лучше его самого. Первая книга дилогии «Жизнь и судьба» роман «За правое дело»: «...Где-то в глубине души постоянно ощущал он спокойный, грустный свет, сопутствующий ему всю жизнь, – любовь матери» (ч. 1, гл. 32). «Ночью ему приснилось, что он вошел в какую-то комнату, подошел к креслу, казалось еще хранящему тепло сидевшего в нем недавно человека. Комната была пустой, видно жильцы внезапно вышли из нее среди ночи. Он долго смотрел на полусвесившийся с кресла платок – и вдруг понял, что в этом кресле спала его мать. Сейчас оно стояло пустым в пустой комнате» (ч. 1, гл. 36). Как видно будет из

дальнейшего, этот сон приснился самому Василию Гроссману на фронте в сентябре 1941 года. «Он угадывал ужас обреченных уничтожению беспомощных людей, согнанных за колючую проволоку гетто, когда его воображение дорисовывало картину последних минут Анны Семеновны в день массовой казни <...> когда он с безжалостным упорством заставлял себя мерить страдание матери, стоящей в толпе женщин и детей над ямой перед дулом эсэсовского автомата, ужасное по силе чувство...» (ч. 2, гл. 46).

Наступил 1944 год, год освобождения Украины, освобождения Бердичева. Гроссман пишет жене: «Милая Люсенька, сегодня приехал на место. Вчера был в Киеве. Трудно передать, что чувствовал и пережил за несколько часов, когда ездил по адресам родных и знакомых. Могилы и смерть. Сегодня еду в Бердичев. Товарищи уже побывали там, говорят, что город совершенно разорен, пусто, и что из многих тысяч, десятков тысяч живших там евреев уцелели лишь отдельные люди, может быть десяток людей. Я не надеюсь застать маму живой, единственное, на что надеюсь, это на то, что хотя бы узнаю о последних днях ее жизни и о смерти ее <...> Родная моя, понял здесь, как дороги должны быть друг другу близкие люди, горсточка оставшихся в живых...». Гроссман узнал о гибели своей матери.

Некоторые подробности последних дней Екатерины Савельевны содержатся в письмах Василию Гроссману от его родственницы Р. Менакер и ее дочери: «Дорогой Вася, мне сейчас тяжело писать, но не писать я тоже не могу. Два дня тому назад встретила с дочерью д-ра Вурварга из Бер[дичева], она часто видела (в гетто. — Ф.Г.) маму. Первое время она жила у Вурварга, а потом перешла к Рубинчик и жила до своего печального конца. Знаю некоторые подробности, как за несколько дней до конца мама читала детям Вурварга “Войну и мир” на французском языке, какая-то женщина принесла ей теплое пальто, когда стало холодно, она много подробностей рассказывала, также часто видела старика Штимбер, Ревекку Борисовну, все они в одной партии погибли <...> Дорогой Вася, я и Муся вторично повидались с Вурварг. Она нам говорила, что мама погибла в сент. 13 или 15, она была убита в Романовке. Это на окраине города за греблей. Мама все время жила у Вурварга, за 3 дня до конца перешла к Рубинчик <...> Сведения можно было бы собрать у прислуги д-ра В[урварга]».

«Здравствуй, Вася, мама тебе написала все, что нам удалось узнать о судьбе дорогой незабвенной тети Кули. Я лично разговаривала 2 раза с Олей Вурварг. Это моя подруга детства... Тетя Куля занималась с младшей сестрой Мэри. Занятия она не прекращала почти до последнего дня. В спасении жизни Оли значительно меньше героизма, чем в их смерти. Они погибли, вписав тем самым еще одну печальную, отнюдь не последнюю, страницу в историю нашего многострадального народа. Она осталась жить, чтобы быть немым свидетелем гибели всех своих близких и родных...» (2.06.1946).

Все годы, прошедшие со дня гибели Екатерины Савельевны, Василий Гроссман тосковал по матери, ему не хватало ее любви, ее ласковых слов. Через девять лет после гибели матери (в 1950 году) и через двадцать лет (в 1961 году) после изъятия КГБ его романа «Жизнь и судьба» он пишет Екатерине Савельевне письма, доверяет бумаге свою неутихающую боль, свою тоску. Вот эти письма:

«Дорогая мамочка, я узнал о твоей смерти зимой 1944 года. Приехал в Бердичев, вошел в дом, в котором ты жила и из которого ушла тетя Анюта, дядя Давид и Наташа, и понял, что тебя нет в живых. Но еще в сентябре 1941 года я чувствовал сердцем, что тебя нет. Ночью на фронте я видел сон – вошел в комнату, ясно зная, что это твоя комната, и увидел пустое кресло, ясно зная, что ты в нем спала; свешивался с кресла платок, которым ты прикрывала ноги. Я смотрел на это кресло долго, а когда проснулся, знал, какой ужасной смертью умерла ты, об этом я узнал, приехав в Бердичев и расспросив людей, знавших о массовой казни, происшедшей 15 сентября 1941 года. Я десятки раз, а может быть сотни раз пытался представить себе, как ты умерла, как шла на смерть, старался представить человека, который убил тебя. Он был последним, кто тебя видел. Я знаю, что ты думала обо мне очень много все это время.

Теперь уже больше девяти лет, как я не пишу тебе писем, не рассказываю тебе о своей жизни, делах. И за эти девять лет накопилось столько в моей душе, что я решил написать тебе, рассказать и, конечно, пожаловаться, так как никому по существу нет дела до моих печалей, только тебе одной было до них дело.

Я буду с тобой откровенен и расскажу тебе все так, как чувствую, но может это будет не вся правда обо мне, так как я ведь не чувствую только правду, а многое, наверное, есть в моих чувствах ложного и пустого. Но прежде всего я хочу сказать тебе, что за эти девять лет я смог по-настоящему проверить, что люблю тебя – так как ни на йоту не уменьшилось мое чувство к тебе, я не забываю тебя, не успокаиваюсь, не утешаюсь, время не лечит меня. Я тебя сейчас ощущаю такой же живой, какой ты была в тот день, когда мы виделись с тобой в последний раз, и такой же, когда я маленьким мальчиком слушал твое чтение вслух. И боль моя такая же, как была в тот день, когда соседка, живущая на Училищной улице, мне сказала, что тебя нет уже и что нет надежды найти тебя среди живых. И я думаю, мне кажется, что моя любовь и это горе ужасное так уж не изменятся до дня моего конца» (1950 год).

«Дорогая моя, вот прошло 20 лет после твоей смерти. Я люблю тебя, я помню каждый день своей жизни, и горе мое все эти 20 лет вместе со мной неотступно.

Я писал тебе 10 лет тому назад, и в моем сердце ты такая же, как была двадцать лет назад. И десять лет назад, когда я писал тебе свое первое после твоей смерти письмо, ты была такой же, как при жизни своей, – моей матерью во плоти и в сердце моем. Я – это ты, моя родная. И пока живу я – жива ты. А когда я умру, ты будешь жить в той книге, которую я посвятил тебе и судьба которой схожа с твоей судьбой. За эти двадцать лет много людей, которые любили тебя, уже умерли, тебя уже нет в сердце папы, в сердце Нади, тети Лизы – их нет на земле. И мне кажется, что моя любовь к тебе все больше, ответственней, потому что так мало живых сердец, в которых живешь ты. Я почти все время думал о тебе, работая последние десять лет, – эта моя работа посвящена моей любви, преданности людям, потому она и отдана тебе. Ты для меня человеческое, и твоя страшная судьба – это судьба человека в нечеловеческое время. Я всю жизнь храню веру, что все мое хорошее, честное, доброе, моя любовь – это все от тебя. Все плохое, что есть во мне, не прощай мне, это не ты. Но ты любишь меня, мама моя, и со всем плохим, что есть во мне, любишь.

Сегодня, как уже долгие годы я перечитывал несколько твоих писем ко мне, сохранившихся из тех сотен и сотен, полученных от тебя, перечитываю твои письма папе. И сегодня я снова плакал, читая твои письма. Я плакал, когда ты пишешь: «И еще, Зема, я считаю себя не долговечной, так и жду, что из-за угла подкрадется, а вдруг буду болеть тяжело и долго, что мой бедный мальчик будет делать со мною, сколько горя наберется».

Я плачу, когда ты, одинокая и считавшая единственным светом своим жизнь под одной крышей со мной, пишешь папе: «...мне кажется, здраво рассуждая, что если б у Васи оказалась лишняя площадь, то ты должен поселиться с ним. Я тебе повторяю, так как теперь-то мне не плохо. А о моей духовной жизни не беспокойся: я умею охранять свой внутренний мир от окружающего». Я плачу над письмами – потому что в них ты – твоя доброта, чистота, твоя горькая, горькая жизнь, твоя справедливость, благородство, твоя любовь ко мне, твоя забота о людях, твой чудный ум.

Я ничего не боюсь, потому что твоя любовь со мной и потому что моя любовь вечно с тобой» (1961 год).

На титульном листе спасенного и вышедшего в свет через 20 лет после его смерти романа «Жизнь и судьба» Василий Гроссман написал посвящение: «Моей матери Екатерине Савельевне Гроссман».

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. В чем заключалась цель создания «Черной книги»?

2. В чем, по вашему мнению, заключался человеческий и гражданский поступок авторов «Черной книги»? Определите их писательскую позицию.
3. Объясните смысл слов книги «Всё простится, но пролившему невинную кровь не простится никогда».
4. На примере воспоминаний А. Кузнецова о публикации его книги «Бабий Яр» раскройте проблему свободы творчества писателя в тоталитарном государстве, проблему «Писатель и общество». Как сам автор объясняет причины отказа властей издать книгу?
5. Проанализируйте одну из глав книги «Бабий Яр». Разработайте систему вопросов и заданий (в том числе творческих) по теме «Трагедия Бабьего Яра».
6. Каков смысл названия поэмы «Ров»? Кто делится своими воспоминаниями об ужасном событии? Зачитайте отрывок из воспоминаний Василия Федоровича (глава «Послесловие»). Что же так внезапно возмутило и взволновало Василия Федоровича и его спутников? Почему увиденное они назовут страшным сном?
7. Кто они, эти гробокопатели? Кто был в деле? (глава «Дело», 3-й абзац). Что заставило людей совершить кощунство? Разорение кладбищ – преступление или нечто большее? Каким словом называет поэт поведение этих людей? Каково лексическое значение слова «алчь»?
8. Через всю поэму проходит рефрен: «Ты куда ведешь, ров?» С какой целью его использует автор? Где автор видит границы человеческого падения?
9. Проанализируйте письма матери В.С. Гроссмана к сыну и сына к матери. Что можно сказать об этих отношениях? Мог ли писатель молчать о трагедии, случившейся с самым близким ему человеком в 1941 году?
10. Как описывает В. Гроссман захват его родного города Бердичева немцами? Проанализируйте описание состояния людей, которых захватили фашисты. Что чувствовало еврейское население в гетто?
11. Подготовьте комментарий к изучению темы «Трагедия народа».

Работа с документами и материалами

Задание №1.

Прочитайте материал о жизни и деятельности Леонида Ковалья. Выполните задания.

Л. Коваль и «Книга спасения»

Известный советский писатель и поэт Леонид Коваль (Кавалерчик), скончавшийся в апреле 2012 года, оставил после себя большое количество уникальных документов по истории Холокоста в СССР, которые собирал в течение полувека. Его архив содержит массу материалов, которые следует сохранить и изучить.

Леонид Коваль, родившийся в 1926 году в Бобруйске, в годы войны добровольно вступил в ряды Красной Армии и был награжден медалью «За победу над фашистской Германией». В 1950-х годах он поселился в Латвии, работал журналистом и редактором в местных газетах. Параллельно Л. Коваль собирал материалы о Холокосте на территориях СССР, оккупированных в годы войны. Он интересовался многими вопросами истории Советского Союза, но главной темой его творчества был именно Холокост. В поисках информации Коваль объездил практически весь Союз. Годами он был вынужден писать «в стол», так как в СССР тема массового уничтожения евреев замалчивалась. Лишь в начале 1990-х гг. начали публиковаться его романы о трагической участи белорусских и прибалтийских евреев – «Корни дикой груши», «Стон», «Капли дождя» и многие другие книги. В 1989 году Коваль создал и возглавил первое в СССР Общество бывших узников гетто, и с этого момента к нему из всех республик стали писать и присылать документы те, кто пережили Холокост или были свидетелями массового уничтожения советских евреев.

Как отмечает Шнеер, присланные писателю материалы действительно уникальны, ведь многие из его корреспондентов уже ушли в мир иной. Они доверяли Ковалю самые

сокровенные и страшные воспоминания, отправляли документы, которые хранили десятилетиями. На основании собранных данных Коваль издал две книги – «Книгу Спасения» с историями тех, кто выжил, и «Книгу Спасителей» – о «Праведниках Народов Мира», которые укрывали евреев. За эти произведения писатель был удостоен специальной награды Всеамериканской ассоциации бывших узников гетто.

1. Подготовьте краткий очерк о жизни и творчестве Л. Коваля. Какое место в его творчестве занимает тема Холокоста? Что вам известно об этом?

2. Разработайте поурочный план изучения данной темы на уроках литературы.

Задание №2.

Прочитайте отрывок из поэмы Е. Евтушенко «Бабий Яр». Ответьте на вопросы.

Е.Евтушенко. Из поэмы « Бабий Яр». (1961 год.)

Над Бабьим Яром памятников нет.

Крутой обрыв, как грубое надгробье.

Мне страшно.

Мне сегодня столько лет,

как самому еврейскому народу...

Над Бабьим Яром шелест диких трав.

Деревья смотрят грозно,

по-судейски.

Все молча здесь кричит,

и, шапку сняв,

я чувствую,

как медленно седею.

И сам я,

как сплошной беззвучный крик,

над тысячами тысяч погребенных.

Я –

каждый здесь расстрелянный старик.

Я –

каждый здесь расстрелянный ребенок.

Ничто во мне

про это не забудет!

«Интернационал»

пусть прогремит,

когда навеки похоронен будет

последний на земле антисемит.

Еврейской крови нет в крови моей.

Но ненавистен злобой заскорузлой

я всем антисемитам,

как еврей,

и потому –

я настоящий русский!

1. Почему произведение Е. Евтушенко «Бабий Яр» вызвало шквал негодования со стороны официальных властей?

2. Какой смысл вкладывает поэт в слова «я настоящий русский»?

3. Какие общечеловеческие ценности вкладывает Евтушенко в свою поэму?

4. Прочитайте другие произведения по теме Холокоста: А. Галич «Кадиш» (Песенка про кораблик еврейской девочки Нати), Г. Свиридов «Ринг за колючей

проволокой» (о Бухенвальде), дневник М. Рольникайте – узницы гетто города Вильнюс, М. Булгаков «Погром».

Задание №3.

Выберите одно или несколько произведений литературы на тему Холокоста, проанализируйте его:

Эль Визель «Ночь»

Т. Кенэлли «Список Шиндлера»

И. Мерас «Вечный шах»; «Полнолуние».

Д. Рубина Рассказы

З. Вольшонка «Рижское гетто».

Список литературы

1. Абрамски И. Личность и общество – дилеммы выживания в гетто. Учебное пособие. – Иерусалим, 2011.

2. Альтман И.А., Гербер А.Е., Полторак Д.И. История Холокоста на территории СССР. – М., 2001.

3. Преподавание темы Холокоста в XXI веке. – М., 2000.

4. Русских Г.А. Дидактические основы современного урока. Учебно-практическое пособие. – М., 2001.

5. Холокост в русской литературе. Сборник уроков и методических рекомендаций / Составители: Альтман И.А., Гербер А.Е., Прокудин Д.В. – Москва, 2006.